

ПОВТОРЫ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ ИНТЕНСИФИЦИРУЮЩЕГО ЗНАЧЕНИЯ В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Христина Дамянова (Шумен, Бългaрия)

Русская разговорная речь располагает рядом интенсифицирующих десигнаторов для передачи интенсивности глагольного действия. Выделяются лексические, лексико-морфологические, лексико-синтаксические, синтаксические интенсификаторы (Мразек 1964). Повторы глагольных форм интенсифицирующего значения в разговорной речи Р. Мразек (1964: 172) относит к лексико-синтаксическим интенсифицирующим средствам. С формальной т.зр. точные повторы, редупликаты глаголов бывают бессоюзными, ср. *шел–шел*, с союзом и / *гремит и гремит*, с союзами да / *шел да шел*, да и / *читает да и читает*.

Интенсивность рассматривается как функционально-семантическая категория с полевой структурой, создающейся в результате взаимодействия разноуровневых элементов, обладающих общими инвариантными признаками (Кокина, 2001, 1–10). Категория выражается лексическими, морфологическими, синтаксическими средствами. Категория интенсивности строится на одном и том же инвариантном содержании, степени проявления признака, качества действия.

В функционально-семантическом аспекте редупликация интенсифицирующего значения указывает на эмоциональное отношение в диалоге, эмоциональную или эмоционально-модальную реакцию говорящего, градацию требования, просьбы, совета, удивления, что можно иллюстрировать на примере диалогической и внутренней речи героев в художественных произведениях, напр.: *Тебе сколько? Котелок выпьешь? – Да ты не жалей, не жалей!* (Бондарев. Трофеи); *Вы опять перебили меня. – Вы слышали, как падают ночью созревшие яблоки в саду? Дайте, дайте договорить.* (Бондарев. Тост); *А курить хочу как из пушки. – Ну, ты брось, брось веселиться!* (Бондарев. Две минуты тридцать секунд); ср. болгарско-русский перевод: *Удави се, удави се!* (Н.Хайтов. Изпит). – *Умон! Умон!*

Синтаксические повторы, фразовые конструкции, восклицательные эмоциональные предложения с ярким значением высокой интенсификации строятся с участием частиц, интонации, порядка слов (Родионова 2005: 175). В ФСП интенсивности в русском языке как семантической категории, представленной разноуровневыми единицами, выделяется трехкомпонентное ядро, в которое входят лексические, морфологические, словообразовательные средства выражения интенсивности. Синтаксические средства вместе с фонетическими находятся в периферии поля (Родионова 2005: 158–159). В следующих примерах частица *вот* придаёт большую выразительность, усиливая, подчёркивая значение последующего слова, частицы *ить*, *ишь* употребляются для выражения изумления в значении *вон, посмотри*. Интенсифицирующее значение предполагает констатацию необычности, выделённости самой ситуации. Интенсификации подвергаются оценочные предикаты, оцениваемое явление представлено как исключительное в каком-либо отношении (Родионова 2004: 307), ср.:

Батюшки, вот живут на югах, вот живут! Помидоры и лепесины возит – и деньги мешками в сберкассу сдаёт. (Бондарев. Русские городки); *Ить что вино делает, а? Ить что вино делает?* (Бондарев. Русские городки)

Интенсификация – это количественная модификация качества, отражающая отклонение от нормальной меры, делающая качество существенным, релевантным для говорящего или слушающего, и выдвигающая это качество на первый план по значимости (Родионова 2005: 157) К интенсификации действия Р.Мразек (1964: 169) относит: „выражение высокой меры длительности, стремительного или внезапного наступления действия, чрезвычайного качества глагольного процесса и др”. Интенсивность представлена как количественная квалификация явления, количественная характеристика признака, лексическим маркером которого можно считать интенсификатор *очень* (Родионова. 2005: 154–155) как эксплицитное средство усиления, экспликатор высокой степени признака или интенсивности действия. Интенсивность – это качественно-количественная семантическая категория. (Родионова. 2005: 155–156). В ряде контекстов повторы глагольных форм эксплицируют семантические варианты интенсивности – меры признака действия, высокой степени качества:

Ох, орёл был, да и женщины его любили, очень любили. Бондарев. Зачем я так рано родился.

На значение интенсивности указывает лексическая семантика глаголов, в которых интенсивность действия прослеживается от нулевой до крайне высокой. (Сафонова 2003: 37–39). Глагольные повторы составляют глагольные лексемы, называющие интенсивный процесс при определённом порядке слов и интонации, придают высказыванию эмоционально-экспрессивный характер, ср. *псувам, плискам, бия, – чертыхаться, рубить, плескать, бить* в русском переводе произведений Н. Хайтова. Возможна многократная интенсификация на основе лексического значения и глагольного повтора в русском и болгарском языках, ср.:

Псувам и кълям, псувам и кълям, докато сдробих всичките папуци на кайма. (Н. Хайтов. Когато светът си събуваше потушите) – *Чертыхаюся и рублю, чертыхаюся и рублю, пока не порубил все чувяки в мелкую крошку; Слезе от катъра, пие, тури си главата под чучура, гребе от коритцето с две ръце и плиска въз очите, плиска...* (Н. Хайтов. Ибрям-Али)... – *Слезет с мула, пьёт не напьётся, голову под кран подставляет, воду из корытца горстями загребаёт и в лицо себе плещет, плещет...; Это тая е дебелата бургия, дето ме пробива през ноцта. Върти, върти, докато ме хвърли в огън и жар. – Это вот и есть толстый бурав, что меня по ночам дырявит. Сверлит и сверлит, пока не начнёт бросать меня в жар и пот. (Н. Хайтов. Дърво без корен).*

Некоторые лексемы интенсифицируются в контексте градации эмоционального состояния субъекта. Глагол *биться* оказывается достаточным аналогом болгарскому повтору с частицей *ли*. Интенсификат имеет сему „очень” с усилительной семантикой, напр.: *Само една синя жила зад ухото – бие ли, бие – (Н. Хайтов. Ибрям-Али). Только за ухом синяя жила бьётся.*

Языковые средства выражения высшей степени проявления признака раскрывают стереотипы национальной культуры. Фразеологические интенсифицирующие средства, как одно из самых ярких средств интенсификации, передают субъективно-оценочное значение, экспрессивность и эмоциональность. Они находятся на границе между лексическими и синтаксическими средствами (Родионова 2005: 163). Часто они оказываются намного выразительнее повторов

глагольных форм. Экспрессию болгарских повторов-интенсификатов в приведённых ниже примерах передают не только русские аналогичные повторы / *ревёт да ревёт, но и синонимические фразеологизмы градационно-синонимических рядов – во весь голос, в полный голос, полным голосом; рекой разливается, разливается река-рекой, разливается слезами / в слезах, почему зря, напр: През това време жената горе надува ли, надува гайдата. (Н. Хайтов. Гола съвест)... – Тем временем жена дома в голос ревёт, рекой разливается; Прости хора се събрали, очите им в лъскавото, грабят ли, грабят! (Н. Хайтов. Когато светът си събуваше потурите) – Народ набежал простой, что блестит, то им и любо, хватаят эти утюги резиновые почему зря!*

Категория интенсивности стоит в одном ряду с такими категориями, как эмоциональность, оценочность и образность, является приметой экспрессивной речи Давыдова, Фёдорова 2006. Её семантические компоненты ‘в высокой степени’, ‘в высшей степени’ имеют характер необычности традиционных представлений о количественных параметрах тех или иных признаков. Субъективация интенсивности способствует возникновению субъективного преувеличения признака. Повтор воспринимается акцентирующим и экспрессивным средством.

Интенсифицированный признак указывает на меру кратности, степени длительности, силы глагольного признака. Повторы сигнализируют интенсификацию, экспрессивность и эмоциональность с итеративным дополнительным значением. Обстоятельственные слова, междометия, приглагольные и приименные определители, модальные глагольные формы типа *слушаю и не наслушаюсь* способствуют интерпретации повторов в составе предложений в аспекте продолжительности и многократности, ср.:

Дверь – хлоп, хлоп, хлоп – а я лежу и слушаю, слушаю их шаги; (Н. Коляда. Едем, едем в далёкие края); Бывало, я часто остановлю чабана, слушаю, слушаю и не наслушаюсь. (Т. Шевченко. Варнак); Я часами шатаюсь по городу и смотрю, смотрю, совершенно ни о чём не думаю. (Бондарев. Белая ночь); Вот лечу, лечу над городом. Над своим домом лечу, мимо балкона лечу, лечу. (Н. Коляда. Рогатка); ...и плыву, плыву бешено, до изнеможения. (Н. Коляда. Рогатка); Вот так сутки, другие, третьи,

четвёртые, пятые, шестые едем, едем. (А. Мариенгоф. Роман без вранья); И опять мы едем, едем без конца, и день и ночь, и утро, и вечер – все едем. (И. Репин. Далекое близкое); А мы все едем, едем по бесконечной улице. (Ю. Казаков. Закарпатская проблема). Иду, иду, есть захотел – купил себе какой-нибудь чизбургер – гамбургер, скушал бурритос и дальше иду. (Комс. правда, 19.07.2002); Мы все едем, едем, едем целую ночь. (В. Ерофеев. Москва – Петушки); Так что – я пишу. Я пишу, пишу, пишу, а когда не пишу, то сразу же начинаю жиреть. (Е. Попов. Признания флейтиста); ...и пишу, пишу, иногда до девяти-десяти часов вечера. (Т. Солоневич. Записки советской переводчицы).

Частотны повторы, которые определяют компоненты ситуации не только по шкале „хорошо – плохо”, но и „много – мало”. (Е. Родионова 2005: 150). Интенсификация совмещает меру количества и длительности:

Его хвал-и-ли, хвалили, а потом бухнули и так далее и так далее. – Как это бухнули? – Ну, не стали хвалить. В одном журнале читала. Смешно. Хвалили, хвалили, а потом бухнули, что плохой да плохой. (Е. Бондарев, Катя; Я пишу, пишу много А. Белый. На рубеже двух столетий). Он всё плачет и плачет. Есть отказывается... (Комс. правда. 26.04.2011); А я хожу, хожу и ничего мне не нравится. (Труд – 7.14.09.2007); История старая, хотя её и забывают: роют, роют, а потом... (К. Симонов Живые и мёртвые).

Значение усиления признака может выражаться фонетическими средствами (Родионова 2005: 166), особым интонационным вычленением отдельного слова и ударного звука, ср. хвал-и-ли.

Взаимодействие количественной и качественной характеристики при интенсификации, субъективный характер категории интенсивности связаны с субъективными категориями оценочности, эмоциональности и образности, как компонентами экспрессивности. Языковая категория ‘интенсивность’ соотносится с категориями ‘количественность’, ‘эмоциональность’ и ‘экспрессивность’ (Сафонова 2003: 37–39). Она представляет собой частную разновидность категории количества (Сафонова 2003: 38), рассматривается в составе категории экспрессивности (И. В. Арнольд, И. А. Стернин, Н. А. Лукьянова и др.).

Интенсификация служит субъективизации повествования, интенсификаты выполняют экспрессивно-стилистическую, структурно-организующую, композиционную, текстообразующую функцию в рамках художественного текста (И. Кокина, 2001, 1-10). Интенсифицирующие эмоционально-оценочные средства являются основой градации в случаях совмещения в ряде контекстов ментальных модальных значений подтверждения, радости, нетерпения, экспрессивности, неудовольствия, досады, приказа, удивления и др. ср:

Она светится, – посмотрел он на Данилу – Светится, светится, – успокаивающе подтвердил тот (Д. Глуховский. Метро 2033); Я вас слушаю, слушаю, продолжайте, продолжайте. (Б. Холопов. Старицкие прелюды); Да, да, едем, едем! (Е. Шварц. Обыкновенное чудо). Алло! Это мы! Едем, едем! Держитесь! Мы сейчас! (Н. Горланова. Филологический амур); Скорей, доктор, скорей! Едем, едем! Ах, как хорошо! (М. Арцыбашев. У последней черты); Сегодня! Немедленно! Едем, едем, едем! (А. Вампилов. Старший сын); Дочь поставила в прихожей неказистый бабкин чемодан. – Едем, едем! – радостно закричали мы оба. (В. Попов. Ужас победы). Едем! – Ну заладил – едем, едем... (В. Каверин. Конец хазны); Неужто это не антракт, не чулан, а дорога, дорога, и мы едем, едем, едем ... Проклятая санчасть.. (А. Терехов. Мемуары срочной службы); Горит, горит! – закричал лётчик. – Смотрите, горит! (К. Симонов. Живые и мёртвые); Стой, стой! – первым опомнился он и забарабанил кулаком по крыше кабины. (К. Симонов. Живые и мёртвые)

Интенсификаторы как средства выражения усиления признака могут использоваться в прагматических целях для повышения убеждённости в высказывании не только в русском, но и в болгарском языке, что иллюстрируется болгарско-русскими переводами: Знаеш ги, знаеш! – пени се той (Н. Хайтов. Букова глава). – Знаеш, знаеш... – шипит он.

Основное различие между интенсивностью и другими количественными изменениями качества лежит в сфере её субъективной интерпретации (Родионова. 2005: 157), субъективной значимости для участников ситуации количества признаков. Экспрессивность как коммуникативная категория, выражающая субъективное отношение говорящего, позволяет автору текста усилить эмоциональное воздей-

ствии на собеседника, экспрессивно-эмоционально представить данную констатацию, напр.: *Воланд лжёт и лжёт постоянно*. (Труд–7, 04.07.2005); *Слышно, как бежит-бежит река*. (Комс. правда, 19.01.2002); ...*а сам радостными глазами то на меня, то на них, но больше – на них, и весь светится, светится*. (В. Слипенчук. Занзивер).

В сфере глагольного словообразования значение интенсивности развивают префиксальные глаголы специальнорезультативного способа глагольного действия. (В. Сафонова 2003: 37–39); *Смотри ты, покидал, покидал и перестал* (Бондарев. Мудрость), ср. покидать – сов. 1. Кинуть всё, многое, обычно в беспорядке, как попало, побросать. 2. Кидать некоторое время (СРЯ 1983) .

Повторы глагольных форм интенсифицирующей функции являются характерным приёмом в разговорной речи. Они отличаются большой эмоциональной насыщенностью и экспрессивностью. Их интенсифицирующее значение в разных типах контекстов отражает релевантное, значимое для говорящего или слушающего, находится во взаимосвязи с категориями качественности, количественности, меры признака, градуальности, с субъективно-прагматическими категориями экспрессивности, эмотивности, оценочности, образности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Давыдова, Фёдорова 2006: Давыдова О.Л., Фёдорова В.П. Семантика интенсивности в структуре процессуальных фразеологизмов // *Вестник ЮУрГУ*, № 6, 2006.

Кокина 2001: Кокина, И. А. *Языковые средства выражения семантики интенсивности в произведениях А. П.Чехова о детях и для детей*. Автореферат канд фил наук. Ростов-на-Дону, 2001, с. 171.

Мразек 1964: Мразек, Р. Десигнаторы интенсификации действия в русском языке. // *Sbornik Praci Filosoficke Fakulty Brnenske university*. 1964. A 12, с. 169–180.

Родионова 2004: Родионова, С. Е. Интенсивность и её место в ряду других семантических категорий. // *Славянский вестник*. Вып. 2, М, Макс Пресс, 2004. с. 300–313.

Родионова 2005: Родионова, С. Е. Семантика интенсивности и её выражение в современном русском языке. // *Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры*. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб, „Наука” 2005, с. 150–169.

Сафонова 2003: Сафонова С.С. Семантика интенсивности и способы её репрезентации в местоименно-союзных предложениях. // *II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность*. Казань, 11-13 декабря 2003 г.): Труды и материалы в 2 т. Под общ. ред. К. Р. Галиуллина, Г. А. Николаева. Т. 2, Изд-во Казанск. унта, 2003, 37–39.

СРЯ 1983: Словарь русского языка. М., ИРЯ, АН СССР, 1983.

ПОВТОРЕНИЯТА НА ГЛАГОЛНИТЕ ФОРМИ СИНТЕНЗИФИЦИРАЩО ЗНАЧЕНИЕ В РУСКАТА РАЗГОВОРНА РЕЧ

Христина Дамянова (Шумен, България)

Руската разговорна реч разполага с редица интензифициращи десигнатори за предаване на интензивността на глаголното действие. Наблюдават се лексикални, лексико-морфологични, лексико-синтактични и синтактични интензификатори. Интензивността се разглежда като функционално-семантична категория с полева структура, създаваща се в резултат на взаимодействието на елементи с различни нива, притежаващи общи инвариантни характеристики.